

Н. С. Цветова

**СЛОВАРИ КИЛЬДИНСКОГО СААМСКОГО ЯЗЫКА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ
ТЕНДЕНЦИЙ**

Поступила в редакцию 21.05.2022 г.

111

Рец. на кн.: *Иванищева О.Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка : словарь. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. — Ч. 1. : Рыбы. Вода. Рельеф. — 66 с. ; Иванищева О.Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка : справочник. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. — Ч. 2. Животные. Птицы. Насекомые. — 157 с.*

Проблема витальности исчезающих языков давно волнует научное сообщество. Как утверждают ученые, большей части таких языков грозит серьезная опасность исчезновения в ближайшие десятилетия. По самым осторожным оценкам, половина, а по наиболее пессимистическим прогнозам, до 95 % их может исчезнуть к концу XXI в. [4, с. 15].

На территории Российской Федерации к угрожаемым саамским языкам принадлежат четыре языка, ранее считавшиеся диалектами: кильдинский, йоканьгский и скольтский (колтта), а также бабинский язык, который считается исчезнувшим за последнее время. Все эти языки относятся к категории *critically endangered* [10, с. 29], то есть находящихся под угрозой исчезновения, так как на них «говорят только бабушки и дедушки, старшее поколение; родители иногда понимают язык, но не употребляют ни с детьми, ни между собой» [1, с. 326].

Рецензируемые работы О.Н. Иванищевой напрямую соотносятся с проблемой языковой витальности. Витальность, или жизнеспособность языка — это способность к развитию, изменению или сохранению структурных и главным образом функциональных качеств. Витальность показывает удельный вес потребления данного языка в регионе или сфере общения через характеристику числа и объема его социальных функций, степень литературной обработанности. На уровень витальности языка влияют такие факторы, как количество говорящих на нем как на родном и втором, использование языка младшим поколением; уровень его функциональной развитости; наличие письменной традиции; наличие стандартного варианта языка; статус языка, языковая политика, направленная на поддержку и развитие языка [14, с. 106].

В этом контексте процесс создания словарей кильдинского саамского языка затрудняют два обстоятельства.

Во-первых, наличие двух графических вариантов. Кильдинский саамский язык использует кириллическое письмо. Однако ведутся споры вокруг графических вариантов, в частности об использовании букв *h* и *j*.

Дискуссия спровоцирована составителями трех двуязычных (переводных) словарей — носителями или неносителями кильдинского саамского языка, которые отстаивали разные точки зрения на написание саамских слов [15].

Во-вторых, источники информации. Традиционные методы сбора языкового материала (полевые исследования, ассоциативные эксперименты, использование национальных баз данных) в случае исчезающих языков должны дополняться анализом письменных источников, если они есть, а также данными из этнографической литературы. При этом вторичность материала (ученый записывал материал, а лексикограф вынужден верить записям этого ученого) определяет субъективность представления реалии в словаре. Но эту проблему не решить. К тому же работа с информантами затруднена тем, что носители исчезающего языка — чаще всего люди преклонного возраста, а толкование слова производится с учетом жизненного опыта информанта и его собственной интерпретации значения слова.

Так, при описании значений слов, принадлежащих к тематической группе «Рельеф», О.Н. Иванищевой были обнаружены несоответствия между данными информантов и значениями, зафиксированными в кильдинско-саамских словарях. Например, слово «уррьт» в интерпретации информанта получило значение «большие горы (как Ловозерские)». В словарях это слово зафиксировано с несколько другим значением: гора высокая, гора скалистая (АН), гора (скалистая) (К), скалистая гора (АФ). Если говорящий никогда не видел Ловозерских гор, то он может вкладывать в это слово посторонний смысл [9, с. 117].

Эта проблема усиливается так называемой наивной лексикографией, которую активно развивают пользователи Сети — непрофессиональные лексикографы. Наивная диалектология, представляющая толкование диалектных слов носителями диалекта, выявляет разницу между «официальным» и «неофициальным» толкованием слов.

В связи с публикацией словарей О.Н. Иванищевой встают еще два вопроса: как лексикографическое представление решает проблемы сохранения культурно значимой информации, заключенной в исчезающем языке, и какие элементы культурных смыслов необходимо представлять в словаре, чтобы сохранить знания о материальной и духовной культуре народа для будущих поколений.

При обсуждении первого вопроса автор обращается к понятию *тезаурус* и выбирает этот тип словаря как оптимальный для описания лексической системы исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера.

Тезаурусом, как известно, называется словарь, где слова-понятия расположены иерархически. Составление тезауруса конкретного языка означает отображение системы знаний данного народа о мире, поскольку то, как человек видит мир, во многом определяется именно языком — языком вообще и языком родным [11, с. 17].

Структура тезауруса для языков малочисленных коренных народов, по мнению О.Н. Иванищевой, должна быть не такой, как для европейских языков, распространенных на большой территории и с большим количеством говорящих на них. По оригинальной идее автора словарей,

тезаурус должен представлять собой «не просто перечисление всех слов, входящих в те или иные понятийные поля, а расположение их с учетом принципа противопоставленности» [6, с. 101].

Но следует отметить, что тезаурус требует достаточно жесткой упорядоченности материала, а при отсутствии полного словника такая задача кажется трудно выполнимой, хотя стремление ее реализовать заслуживает уважения. Для кильдинского саамского языка, с небольшим количеством реальных носителей, не принятой единой графической системой и практически отсутствием преподавания на нем, необходимо прежде всего создать полную лексическую базу данных. Конечно, в лексиконе исчезающего языка обязательно обозначатся какие-то приоритеты. Мы согласны с О.Н. Иванищевой, что в первую очередь нужно сохранить для будущих поколений базовую лексику, репрезентирующую основные понятия жизни коренного народа: животный и растительный мир, хозяйственную и промысловую деятельность, жилище, пищу и др., потому что это основа жизнедеятельности народа. Но мысль О.Н. Иванищевой о том, что рассматривать лексику кильдинского саамского языка логичнее с ориентацией на оппозитивные отношения, все-таки требует уточнений. Оппозиции, выделяемые автором в лексическом материале кильдинского саамского языка, традиционны: это «противопоставление по полу (*чуххч* – глухарь; *куэххьпель* – глухарка); по месту обитания (*чя́рр рыһн* – тундряная куропатка; *кёрэм* – горная куропатка; *ля́мтт рыһн* – лесная куропатка); по функциональной значимости (*вўһнтэй*, *вўһньей* – задний [рулевой] гребец; *альсай олма* – рыбак, который остается на берегу в месте, откуда началась установка невода; *нўххьт киххчэй олма* – рыбак, который остается в лодке и следит за тем, чтобы невод вытягивался равномерно; *нўххьт нўррь кёзэй* – рыбак, вытягивающий невод; *туэрриэй олма* – рыбак, который при помощи палки бьет по воде для того, чтобы загнать рыбу в невод; *сужк* – зуй, наживочник (человек, который наживлял рыболовные снасти для ловли морской рыбы))» [5, с. 114]. Скорее всего, в лексике, презентующей материальную культуру малочисленного народа, такие оппозиции действительно существуют, но, думается, не во всех лексических группах. И лакунарность в таком случае объясняется не только объективными, но и субъективными причинами. Последние осознает и сама автор словарей. Но, размышляя над объективными причинами, можно обратить внимание, например, на лексическую презентацию духовной культуры, реалий советского и постсоветского быта. Как представить оппозиции к таким названиям предметов религиозного культура, как *сейд* (священный камень) или *нойд* (колдун, ясновидящий)? Повторим: думается, что идея оппозиций в приложении к словарю-тезаурусу еще требует детального осмысления.

Второй вопрос связан с решением «узких» проблем лексикографии – определением состава словника и содержания словарной статьи. Вопрос о составе словника словаря исчезающего языка коренного малочисленного народа решается автором рецензируемых словарей в соответствии с типом словаря и потребностями пользователя. Пользователь словарей О.Н. Иванищевой – носитель саамского языка и/или изучающий этот язык. Для носителя языка, в основном уже двуязычного, словарь – помощник в освоении богатств духовной и материальной культуры саам-

ского этноса через классическое описание значений лексических единиц кильдинского саамского языка [10, с. 75–82]. Для изучающего кильдинский саамский язык, имеющего своей целью освоить лексику языка, в словарную статью вводится переводной эквивалент и культурологический комментарий.

В главном О.Н. Иванищева права, хотя такое описание потребителей словарей все же видится несколько упрощенным. Запросы пользователей недостаточно изучены и еще ждут своих исследователей.

Интересный и опять же очень перспективный ракурс проблемы возникает при обращении к фигуре исследователя исчезающего языка. Очевидно, что он, даже будучи носителем языка, может не владеть им в достаточной степени. По каким критериям можно определить степень знания языка? Известны факты учета владения родным языком в процессе переписи населения. Но в таком случае о владении языком заявляет сам носитель, субъективно оценивая свой языковой уровень. Необходимо, по нашему мнению, сначала разработать методику выявления степени сохранности исчезающих языков Кольского Севера и Сибири, которая будет основана на ином подходе к пониманию диагностики языковой компетенции носителей малых языков. Существующая практика проверки знания языка сводится к тестированию и/или анкетированию носителей. В письменном тесте при этом чаще всего требуется написать текст или предложения на языке, в тесте на чтение — прочитать и понять текст. В полевых исследованиях применяются другие методики, обнаруживающие «парадокс наблюдателя» — такое положение, когда лингвист стремится к записи «чистого материала», но его присутствие как раз и препятствует этой цели. В качестве базовых можно использовать подходы, предложенные А.И. Кузнецовой для определения степени сохранности этнического языка и уровня владения им [12], а именно запись спонтанной речи (диалогов), порождение текста и составление рассказа по картинке, восстановление текста по его русскому переводу, самозапись текста, запись русской речи носителей этнического языка в их повседневном общении.

Словари О.Н. Иванищевой возникли в результате полевых работ, проводившихся в течение 10 лет [7; 8; 13]. По своему характеру они являются ономаσιологическими, создавались по понятийно-тематическому принципу. Для определенного понятия в словаре приводятся все лексемы, относящиеся к данной тематической группе (например, «Рыбы», «Вода», «Рельеф»), выявленные в процессе полевых исследований, анализа словарей (отечественных и зарубежных) и архивных источников.

Например, группа «Рельеф» представляет лексику, отражающую названия положительных и отрицательных форм рельефа на территории Кольского полуострова — места проживания кольских саамов. Каждое слово при этом имеет несколько графических вариантов. Фиксируются также разные оттенки значения. Приведем наиболее показательный пример:

ГОРА *vürp* 'невысокая гора, круча' (АН, с. 37); 'невысокая гора, холм' (АФ, с. 45); 'гора, круча' (К, с. 18), *virrr* 'лесная горка, «варака»' (ГС, с. 124), *virr* 'невысокая горка' (ЛГ), *virr* 'склон, хребет' (K09, с. 123),

луэххк 'небольшая гора, горка' (АН, с. 154; К, с. 53); луэжк 'горка' (АФ, 170); пāххк 'гора тундровая; тундра' (АН, с. 216); пāнкк '[тундровая] гора' (АФ, с. 244); пāххк 'гора' (К, с. 71); пāххк, паххк 'гора' (К03, с. 54); паххк 'поросшая растительностью гора' (ЛП); пāххк 'гора, меньше «уррѳт»' (ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ); 'локализованное место на горе' (РР); 'гора, покрытая растительностью' (КА); пāгка (ум.-ласк.) 'горка тундровая' (АН, с. 209); пагка (ум.-ласк.) 'небольшая гора' (ГС, с. 124; ЛП); пāгкэнч 'горка тундровая' (АН, с. 209); пāкэнч '[тундровая] сопка' (АФ, с. 244); 'горочка' (РР); 'горушка' (КА); пака 'невысокая, отдельно стоящая гора, покрытая растительностью' (ЛП); пака 'маленькая сопка' (ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ); 'маленькая горочка' (РР); 'небольшая горка' (КА); рааккi 'высокая земля' (К09, с. 122); пāррнэ уйнсэнѳ чофѳта эллесь пагка 'дети увидели очень высокую горку' (АН, с. 209); чѳгар ялл пагка альн 'стадо пасется на сопке' (АФ, с. 244); шѳрр пāххк 'большая гора' (АН, с. 20); тѳррѳм 'гора, горушка, холм' (АН, с. 296); 'горка, возвышенность' (АФ, с. 349); 'гора, горушка, холм' (К, с. 92); 'невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке' (ЛП); тѳерм 'горка, холмик, пригорок, обрыв' (ГС, с. 124); tiemп 'горушка, обрыв' (К09, с. 123); тѳндар 'тундра' (АН, с. 311; К, с. 98); tũndar, tũndar 'лопарская гора (большая)' (ПТ, с. 613); чāрр 'тундра' (АН, с. 336); чāрр 'тундра' (АФ, с. 387); пāльяс чāрр 'голая тундра' (АФ, с. 387); тундр, тундар '1) возвышенность, выходящая за пределы лесной растительности; 2) горный массив' (ГС, с. 124); тундренч 'тундрица, горка' (ГС, с. 124); tsharr 'гора ягельная' (К09, с. 123); уррѳт 'гора скалистая, гора высокая' (АН, с. 325); 'скалистая гора' (АФ, с. 373); 'высокая скалистая гора, лишенная растительности, часто располагающаяся у берега моря' (ЛП); 'большие горы (как Ловозерские)' (ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ); urrd 'большая скалистая гора' (СОС, с. 28); Луявѳр уррѳт 'Ловозерские горы' (АН, с. 325); ортенч, орденч 'уменьш. от урт' (ГС, с. 124); шаррѳй 'гора (невысокая)' (АН, с. 351; К, с. 110); шарий, шоарий 'гора среднего размера, ниже, чем уррѳт, но выше пака' (ЛП); kuedshkash 'гора, покрытая сосной' (К09, с. 122); vāgġe 'гора, лесистая гора, сопка, покрытая лесом' (ПТ, с. 721); варрѳ 'у русских «варака» — холм, покрытый лесом; гора, покрытая лесом' (ГС, с. 124); варрѳ — общее название леса; вāррѳ 'лес' (РР); варрѳ — лес (носитель языка дополняет, что помимо всего прочего в других диалектах саамского языка (в северосаамском, колтта и инари диалектах) это слово означает «гора») (КА); варенч (уменьш.) от варанч 'горка, покрытая лесом' (ГС, с. 124); нѳллькесь пāкк 'плоские горы' (АФ, с. 210); гāġġE 'гористый рельеф (сопки) на побережье, в отличие от хвойного леса' (ПТ, с. 416) [7, с. 30–31].

Такой способ подачи лексического материала дает исследователю языка материал, который фиксирует динамику лексической системы кильдинского саамского языка: указывает на то, что часть терминов, хотя они и представлены в словарных и архивных источниках, в современном кильдинском саамском языке уже не функционируют, так как утратили свою актуальность и перешли в пассивный запас.

Автор убедительно доказывает мысль, что номинация географических объектов объясняется спецификой хозяйственной деятельности саамов, что выделение, например, дифференциальных семантических признаков «растительность», «лес» и «ягель» «связано с необходимостью

обозначения значимых географических реалий для выпаса оленей и охотничьего промысла, а в отличие от научных терминов лексика группы «Рельеф» в кильдинском саамском языке не сосредоточена на актуализации высоты географических реалий, на характеристиках их вершин и склонов. Ядром представлений реалий в исследуемом языке является соотношение «выше, чем» / «ниже, чем»: *шарий* – ‘гора среднего размера, ниже, чем уррыт, но выше пака’ (ЛГ), а понятие «высота» при этом смещено: ‘большие горы (как Ловозерские)’ (ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ); ‘невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке’ (ЛГ); *пáррнэ уйнсэнгь чофта элесь пагка* – ‘дети увидели очень высокую горку’ (АН) [10, с. 81].

Без сомнений, заниматься выявлением всех этих нюансов необходимо. Сама идея тезауруса языка малочисленного коренного народа кажется нам актуальной и востребованной в современной лексикографической практике. Собирать лексику исчезающего языка – безусловно важно. Следует одобрить огромную многолетнюю работу автора рецензируемых словарей по сбору и анализу слов кильдинского саамского языка. Но работы О. Н. Иванищевой показали, что теоретических вопросов, возникающих в процессе создания словарей исчезающих языков, больше, чем ответов. И задачу теоретического осмысления собранного материала может решить только научный коллектив.

Бесспорно, на фоне расцвета лексикографии «больших» языков составление словарей «малых» языков может стать очень серьезным основанием для эволюции общей теории лексикографии, что позволит «наряду с новыми словарями, продолжающими лучшие традиции классической лексикографии, создавать экспериментальные справочники, закрывающие лексикографические лакуны» [2, с. 14]. Словари О. Н. Иванищевой еще раз подтверждают мысль профессора Томского университета О. И. Блиновой о том, что «лексикография (точнее, лексикографирование) представляет собой специфический метод описания лексического материала языка», а хороший словарь может стать серьезным «инструментом познания» этого языка [3, с. 5–6].

Список литературы

1. Агранат Т. Б. Миноритарные языки Европейской части России с точки зрения критериев витальности ЮНЕСКО // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №9 (801). С. 324–350.
2. Бобунова М. А., Дьяченко Ю. А. Об экспериментальных словарях XXI века // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. №1 (44). С. 14–24.
3. Голев Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О. И. Блиновой // Вопросы лексикографии. 2021. №21. С. 5–32.
4. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012.
5. Иванищева О. Н. Этнокультурная идентичность и язык (на материале языка коренного малочисленного народа) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. №3. Вып. 9. С. 111–115.

6. *Иванищева О.Н.* Проблемы тезаурусного описания лексики исчезающих языков // Современные исследования социальных проблем. 2016. №2-2 (26). С. 94–105. URL: <http://journal-s.org/index.php/mrsp/article/view/9208> (дата обращения: 17.04.2022).
7. *Иванищева О.Н.* Материалы к словарю кильдинского саамского языка. М. ; Берлин, 2017. Ч. 1 : Рыбы. Вода. Рельеф.
8. *Иванищева О.Н.* Материалы к словарю кильдинского саамского языка. М. ; Берлин, 2018. Ч. 2 : Животные. Птицы. Насекомые.
9. *Иванищева О.Н.* Специфика методологического подхода к исследованию исчезающего языка коренного народа Севера // Человек. Культура. Образование. 2018. №1 (27). С. 112–123.
10. *Иванищева О.Н.* Лексикология и лексикография языка коренного малочисленного народа Севера: Кильдинский саамский язык. М., 2020.
11. *Касевич В.Б.* Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М., 2013.
12. *Кузнецова А.И.* Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007.
13. *Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт.-сост. О.Н. Иванищева, А.М. Эрштадт.* Мурманск, 2014.
14. *Язык и общество.* Энциклопедия. М., 2016.
15. *Ivanishcheva O.N.* Dictionaries of Critically Endangered Languages: Focus on Users // Journal of Linguistics = Jazykovedný časopis. 2016. Vol. 67. P. 73–86.

Список сокращений

- АН — Антонова А.А. Саамско-русский словарь. Мурманск, 2014.
- АФ — Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева [и др.] ; под ред. Р.Д. Куруч. М., 1985.
- ГП — Галкин Пётр Алексеевич (1928 г.р.).
- ГС — Географический словарь Кольского полуострова : в 3 т. / Мурман. фил. геогр.-экон. науч.-исслед. ин-та Ленингр. ун-та. Л., 1939. Т. 1. 1939.
- ГТ — Галкина Татьяна Гавриловна (1936 г.р.).
- ЗЕ — Захаров Евдоким Кузьмич (1956 г.р.).
- ЗН — Золотухина Надежда Анатольевна (1960 г.р.).
- КА — Кобелев Александр Андреевич (1968 г.р.).
- К — *Керт Г.М.* Словарь саамско-русский и русско-саамский : пособие для учащихся нач. шк. Л., 1986.
- К09 — *Керт Г.М.* Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009.
- К03 — *Керт Г.М.* Саамский язык // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2003. С. 49–57.
- ЛГ — Лукин Геннадий Петрович (1949 г.р.).
- РР — Рахманина Роза Михайловна (1966 г.р.).
- СОС — *Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков / Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т языка, лит. и истории ; [сост. А.П. Баранцева и др.] ; под общ. ред. Ю.С. Елисеева и Н.Г. Зайцевой.* Петрозаводск, 2007.
- IT — *Itkonen T.I.* Koltan- ja kuolanlapiin sanakirja. O. 1. Helsinki, 1958. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XV).

Об авторе

Наталья Сергеевна Цветова — д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: cvetova@mail.ru

The author

Prof. Natalya S. Tsvetova, St. Petersburg University, Russia.

E-mail: cvetova@mail.ru